

и перфект-аорист; или категория собирательности: собирательность-множественность и собирательность-единственность, ср. итал. *iova* — *iovi* и *iova* — *iovo*). Для субъюнктива наиболее важным является контраст с будущим временем индикатива, а также с опативом.

Второй рецензент, Г. Зайлер¹, хотя он и не совсем согласен с конкретными выводами Е. Куриловича (Зайлер полагает, что опатив противопоставляется претериту и субъюнктиву), также настаивает на необходимости определять категории, исходя из противопоставлений, в которых участвуют эти категории.

Иначе не удастся четко сформулировать устанавливаемые автором значения наклонений, и в формулировках остается много не совсем понятного и даже сомнительного. Вообще все изложение Дж. Гонды не отличается особой ясностью. Обширный материал подан несколько нестройно и подчас затрудняет понимание мысли автора, вместо того чтобы облегчать его.

Основное достоинство книги — это сам подход к определению значения категории: стремление установить ее общее значение, а не дробить его на сумму разнообразных употреблений. В книге собран большой лингвистический и библиографический материал, помогающий глубоко ознакомиться с вопросом.

И. А. Мельчук

H. Birkland. Growth and structure of the Egyptian Arabic dialect, «Avhandlingar utgitt av det Norske videnskaps-akademi i Oslo», II—Hist.-Filos. Klasse, 1952, № 1. — Oslo, 1952. стр. 1—57.

Небольшая работа Г. Биркланда «Развитие и структура египетского арабского диалекта» является удачным опытом применения структурального метода к изучению возникновения и развития одного из современных арабских диалектов. В ней рассматриваются следующие проблемы: 1) паузальное происхождение египетских арабских форм; 2) хронология развития египетского арабского диалекта; 3) ударение и количество гласного; 4) фонематическая система гласных; 5) фонематические дифтонги; 6) фонематические согласные. Этим проблемам и соответствуют основные разделы работы.

Во введении, останавливаясь на истории египетского арабского диалекта, начиная с появления арабского языка в Египте в результате исламского завоевания (VII в. н. э.), Г. Биркланд высказывает предположение, что классический арабский язык на определенном этапе своего развития явился источником всех современных арабских диалектов. Но окончательное разрешение этого сложного вопроса он считает возможным только после детального изучения основных современных диалектов арабского языка.

Во введении дается также краткая оценка ряда описательных работ, посвященных грамматическому строю арабского диалекта в Египте и сравнению его с классическим арабским языком. Но в отличие от предшественников Г. Биркланд видит свою главную задачу в выяснении структуры языка, послужившей в свое время основой для возникновения египетского диалекта, и истории ее развития вплоть до современного состояния. С этой целью рассматриваются две языковые структуры: с одной стороны, языковая структура классического арабского языка, известная нам по письменным памятникам, и с другой стороны, структура египетского арабского диалекта в его нынешнем состоянии. Но между этими этапами лежит относительно большой период времени — несколько веков. Если признать, что египетский диалект развился из классического арабского языка, то существующая в настоящее время разница между ними может быть объяснена только изменениями, которым подверглась данная языковая структура в процессе развития. Отсутствие письменных памятников, отражающих разговорный язык, делает эту задачу особенно сложной.

Единственным возможным путем исследования этого развития Г. Биркланд считает синхронное рассмотрение структур двух упомянутых языковых систем и установление определенных этапов, приведших структуру классического арабского языка к новому качеству — египетскому диалекту арабского языка. При этом для каждого этапа тщательно дифференцируются, с одной стороны, явления развивающиеся (продуктивные и отмирающие, окаменевающие), а с другой стороны, явления относительно стабильные, устойчивые. При изучении этого вопроса Г. Биркланд старается найти такое звено в цепи языковых явлений, которое может считаться основным в процессе развития языковой структуры, и останавливается на так называемых паузальных формах.

В классическом арабском языке слово может произноситься или слитно с последующим за ним словом — и в этом случае оно сохраняет свою обычную форму, называе-

¹ Там же, стр. 131—135.

мую контекстной, — или может быть отделено от другого слова паузой и тогда оно подвергается известным изменениям, так как по фонетическому закону классического арабского языка оно может оканчиваться только на долгий слог. Например:

контекстные формы

qatala
al-kalbu
al-madrasatu

паузальные формы

qatal
al-kalb
al-madrasah и т. д.

По мнению Г. Биркланда, именно паузальные формы классического арабского языка представляют собой такие фонетические явления, которые легли в основу египетского диалекта. Потеря контекстных форм вызвала не только дальнейшее фонетическое развитие, но и существенные изменения в грамматике: так, исчезновение падежных форм в египетском диалекте объясняется утратой контекстных форм классического арабского языка. Г. Биркланд, между прочим, выражает сожаление, что до сих пор не ставился вопрос, из каких форм (контекстных или паузальных) возникли новые диалектные формы. Однако в свое время советский арабист Я. Виленичк отметил, что в «народных» арабских языках исчезли контекстные формы, и указал на некоторые следствия, произошедшие в грамматическом строе под воздействием фонетических изменений¹. В отличие от Г. Биркланда Я. Виленичк рассматривает судьбу этих форм именно в диалекте, отмечая большую жизнеспособность форм паузальных и слабость контекстных, и, таким образом, можно думать, что он относил процесс утраты контекстных форм за счет паузальных уже к истории развития самих арабских диалектов. Г. Биркланд же начинает историю развития египетского диалекта с той стадии, когда контекстные формы классического арабского языка были уже утрачены. Проследить процесс развития египетского диалекта ранее этого периода он считает невозможным.

Таким образом, по мнению Г. Биркланда, первой стадией является тот период, когда для системы языка были характерны паузальные формы арабского классического языка и при этом уже исключались контекстные формы. Но, как замечает сам автор, в египетском диалекте имеются слова и в контекстных формах. Отрицает ли их наличие общий вывод, или же они являются исключениями, не затрагивающими систему языка? Г. Биркланд довольно убедительно показывает, что эти исключения не противоречат его основному положению. Так, согласно паузальному явлению все конечные первоначально краткие гласные должны были исчезнуть в египетском диалекте. Например, *al-walad* «мальчик», *darab* «убил». Но как объяснить существование таких конечных гласных в местоимениях *'huwa* «он», *'hiya* «она», где конечное *a* никогда не было долгим? Автор утверждает, что паузальные формы этих слов в классическом арабском языке были — *huwah* и *hiyah*, где конечные слоги являются долгими, и, следовательно, формы могли бы сохраниться (утрату же *h* он объясняет в разделе о согласных). Таким же образом трактуется и форма местоимения *di* (*dih*), где наличие конечного краткого гласного объясняется долготой конечного слога. Также и конечные гласные в личных местоимениях *'inta*, *'inti*, *'ihna*, *'humma* обуславливаются возникновением их из форм с краткими конечными гласными. Если же они были долгими, предполагается, что они сократились так рано, что не могли быть сохранены в диалекте без паузального *h*.

Г. Биркланд обращает внимание и на такие слова, которые кончаются на краткие гласные, также являющиеся старыми и краткими гласными, но сохранение которых объясняется не наличием паузального *h*. Например, во фразе: *min ayyi gihatin kân* «конечный краткий гласный *i* в слове *ayyi* Г. Биркланд считает пережитком падежных окончаний, сохраненным в определенных словосочетаниях, являющихся или остатками классического арабского языка, или заимствованиями из литературного арабского языка в более поздний период.

Таким же образом Г. Биркланд объясняет и сохранение контекстных падежных окончаний. Например, формы слов *'dâ 'iman* «всегда», *'âbadan* «никогда», *'hâlan* «сразу» и т. д. он считает пережитками, сохранившимися благодаря адвербиализации.

Подобное явление наблюдается в определенных идиоматических выражениях типа *'a 'ûzu bil'lâh* «прибегаю к аллаху», *b-izni-l'lâh* «с разрешения аллаха» и т. п., являющихся заимствованиями.

Г. Биркланд приходит к выводу, что «вряд ли может быть отвергнуто, что египетские арабские формы должны были возникнуть из старых арабских паузальных форм. Немногие сохранившиеся пережитки контекстных форм были приспособлены к данной лингвистической системе, и их падежные окончания рассматривались как вспомогательные гласные. Их лингвистическая функция исчезла» (стр. 16).

Во втором разделе Г. Биркланд пытается установить этапы или стадии развития системы классического арабского языка при его переходе к современному египетскому диалекту.

¹ См. Я. Виленичк, Древнеарабские контекстные формы в народном языке сирийского диалекта, «Записки коллегии востоковедов», т. II, вып. 2, Л., 1927, стр. 249—256; е го ж е, Этюды по исторической фонетике вульгарно-арабских диалектов, «Доклады АН СССР», Л., 1927, стр. 1—6, 157—161.

При этом он широко использует метод относительной хронологии, опираясь на ряд языковых законов и положений, из которых некоторые подробно разработаны им самим. Особо отметим важное для относительной хронологии и хорошо аргументированное положение, по которому «сокращение конечного долгого гласного должно было произойти после утраты конечной „хамзы“» (стр. 17).

В развитии египетского арабского диалекта устанавливается пять этапов.

I этап. Все слова имели паузальные формы классического арабского языка, за исключением немногих пережитков контекстных форм, где краткие конечные гласные были вспомогательными гласными. Каждое слово кончалось согласным или долгим гласным.

II этап. Все «хамзы» и окончание женского рода *h* опускались после долгих гласных, например, слово *'ašā* «обед» стало *'ašā* и т. д. На этой стадии структура окончаний слов осталась такой же, как и на первой стадии, т. е. каждое слово оканчивалось либо долгим гласным, либо согласным. Но очень важным моментом было введение силового ударения, т. е. подчеркивание отдельного слога или слова, что отсутствовало в классическом арабском языке и на первой стадии развития египетского диалекта. Возможность введения этого ударения объясняется как раз опущением «хамзы» и окончания женского рода *h*. К этому же времени относится начало процесса присоединения предлогов к глаголу с одним ударением (например, *'qālit lūh* «она сказала ему» > *'ālithū*), которое должно было происходить еще при наличии долгих гласных.

III этап. Сокращаются все конечные долгие гласные и, следовательно, создается новая система, где каждое слово кончается согласным или к р а т к и м гласным. Эта языковая система сохраняется, как утверждает Г. Биркланд, до пятой стадии. Что же касается ударения, то Г. Биркланд отмечает, что на третьей стадии оно еще определяется количеством гласного (типом слога).

IV этап. Отмечается сокращение гласных, которое, как Г. Биркланд удачно замечает, уже несомненно свидетельствует о наличии ударения. На этой стадии под ударением находятся все долгие гласные, следовательно, каждое слово имеет не более одного долгого гласного, а остальные сокращаются. В результате появляется редукция гласных.

V этап. Отпадает некоренное конечное *h*. А отпадение *h* после долгих гласных создает новую языковую систему, так как появляются опять долгие конечные гласные, которые исчезли на третьем этапе. С другой стороны, эта утрата *h* придает ударению большее функциональное значение. Г. Биркланд считает возможным, что на этом этапе противопоставление долгих и кратких гласных заменяется противопоставлением ударных и безударных.

Вопросу об ударении он посвящает отдельный раздел, где рассматривает функциональное значение ударения и количества гласного на разных этапах развития египетского диалекта. Г. Биркланд показывает, что в египетском арабском диалекте количество гласного играет малую роль. Ударение приобретает уже функциональное значение. Интересно отметить, что перед нами в данном случае явление, которое свидетельствует о влиянии диалекта на произношение литературного языка в Египте.

В этом же разделе Г. Биркланд довольно убедительно показывает, что в классическом языке ударение не имело никакой функции и определялось лишь количеством слогов. Неудивительно, что арабские грамматики ни слова не писали о подобном языковом явлении, хотя вообще до мельчайших подробностей описывали каждое явление языка. Едва ли можно обвинять их в том, что они игнорировали явление ударения, как это считали некоторые арабисты.

Г. Биркланд заканчивает раздел утверждением, что в современном египетском диалекте противопоставление долгих и кратких гласных не имеет грамматической или семантической функции; тогда как ударение имеет очень важное функциональное значение. Диахронически значение ударения заключается в том, что в результате его появились редукция и опущение гласных.

В связи с отмеченными основными вопросами развития структурных форм египетского диалекта автор решает ряд частных проблем. Так, он анализирует фонематическую систему гласных египетского диалекта, отмечая три краткие гласные фонемы классического языка и пять долгих (*a, i, u; ā, ē, ī, ō, ū*), рассматривает фонематические дифтонги и согласные фонемы, сохранившиеся от классического арабского языка и возникшие вновь на различных этапах развития диалекта.

В разделе о согласных Г. Биркланд затрагивает вопрос о встречающемся в египетском диалекте согласном *g*, считая его в отличие от К. Брокельмана не старым семантическим *g*, а продуктом развития *ǧ* > *g*. Однако в доказательство этого положения он приводит лишь одно слово *wīšš*, которое отражает, видимо, явление частного характера и не может опровергнуть многочисленных данных, выдвинутых К. Брокельманом¹. Кроме того, нужно иметь в виду, что в одном из ранних египетских

¹ К. Brockelmann, Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen, Bd. I, Berlin, 1912, стр. 122.

папирусов 90 г. хиджры (708—709 г. н. э.) лат. *quaestor* транслитерируется как *قسطن* наряду с *قسطال* и *جسطال*, что, несомненно, свидетельствует о том, что буква «джим» читалась еще в это время как «g».

В общем, работа Г. Биркланда интересна как с точки зрения того круга вопросов, которые в ней ставятся, так и с точки зрения цели и задачи, выходящих за пределы чистого описания египетского диалекта.

Изучение современного египетского диалекта является у Г. Биркланда только частью более широко задуманного исследования современных арабских диалектов, которое должно открыть путь к реконструкции древнего состояния. С этой точки зрения постановка вопроса и подход к решению представляют большой интерес.

Метод Г. Биркланда, последовательно проводимый в работе, помог установить конкретные этапы в развитии египетского диалекта арабского языка, он дал возможность определить ряд отдельных положений, важных для изучения других арабских диалектов. Вместе с тем в своей работе Г. Биркланд ограничивается лишь теми явлениями, которые можно объяснить, исходя из паузальных форм, и охватывает далеко не все моменты в развитии египетского диалекта.

Г. М. Габучан

J. W. Perry, A. Kent, M. M. Berry. Machine literature searching. — New York — London, 1956. 162 стр. (Western reserve university press, Interscience publishers).

Рецензируемая книга посвящена проблеме машинного поиска информации, приобретающей за последнее время все большее значение. Непрерывно увеличивающееся число научных сообщений, публикуемых в самых различных источниках, делает практически невыполнимой задачу полностью разобраться в существующих материалах и найти всю интересующую информацию. Имеющиеся средства организации поиска информации (каталогизация, библиографические указатели, библиографические бюро) малоэффективны из-за недостаточной быстроты и гибкости. В связи с общим развитием автоматизации отдельных функций человеческого мозга естественным является стремление автоматизировать поиск информации, применяя для него новейшее быстродействующее автоматическое оборудование.

Вопросу о рациональной организации хранения, поиска и выдачи информации посвящаются в настоящее время многочисленные исследования, образующие особую научную отрасль — документалистику (где под «документом» понимается любая отдельная запись информации — от канцелярского документа до целой книги). К числу таких исследований принадлежит аннотируемая книга, излагающая результаты работ, проведенных центром исследований по документалистике при Western reserve university в штате Огайо (США). Книга представляет собой отдельное издание серии статей, публиковавшихся в 1954—1955 гг. в журнале «American documentation»; возможно, это объясняет характерные для нее многочисленные повторения и длинноты. Авторы занимаются только проблемой машинного поиска готовой информации (документов), оставляя в стороне вопросы, связанные с машинным преобразованием информации (логический вывод и т. п.), хотя, как можно судить по отдельным замечаниям, эти вопросы также подвергались исследованию.

Поставив проблему и отметив несовершенство существующих средств поиска информации, авторы предлагают общую схему машинного поиска информации. Она включает два этапа: 1) на первом этапе анализируется содержание документа (единицы информации), записываемого в машину. При этом выделяются предметы, свойства, процессы и т. д., о которых идет речь, и связывающие их отношения; все это соответствующим образом индексируется в машинном языке и записывается в машину (на перфокартах, магнитных лентах и т. п.); 2) при осуществлении собственно поиска вопрос формулируется в машинном языке в виде определенной характеристики требуемой информации. Просматривая всю записанную информацию, машина выдает те единицы, которые характеризуются указанными признаками.

Таким образом, содержание документа записывается в машину в виде расширенного названия (индекса), включающего предметы, свойства, процессы и их отношения, о которых идет речь в записываемом документе. Основной теоретической проблемой является построение машинного языка для записи указанных индексов. Именно в связи с этой проблемой книга может представлять интерес для лингвистов.

Необходимо, говорят авторы, построить некий код с упорядоченной терминологией и введенными отношениями, который обеспечил бы машине рациональный способ поиска документов на основании определенных признаков вводимого вопроса. Очевидно, такими признаками могут быть идентичность терминов и отношений между этими терминами. Следовательно, предлагается метод анализа и сравнения содержания во-